

Александр Гарцев

Кризис
среднего
возраста

18+

Александр Гарцев

Кризис среднего возраста

«Автор»

2026

Гарцев А.

Кризис среднего возраста / А. Гарцев — «Автор», 2026

Роман писателя Александра Гарцева "Кризис среднего возраста" — это роман о кризисе среднего возраста, о том, как важно не сдаваться, когда рушатся все опоры, и о том, что настоящая любовь не умирает — она просто ждёт своего часа. Это история для каждой женщины, которая когда-либо чувствовала себя потерянной, и для каждого мужчины, который боялся, что его уже не поймут никогда. Трогательная, горькая и светлая проза о том, что счастье не в деньгах, не в статусе, а в умении быть рядом с тем, кто стал твоим домом. Герои истории и не знали, что когда теряешь всё — обретаешь самое важное. Друг друга. Спросите, для кого эта книга? Прежде всего для женщин от 30 до 60 лет, которые ищут в литературе не просто развлечение, а глубокое, честное отражение собственной жизни. Для тех, кто верит, что любовь можно спасти. Для всех, кто хочет увидеть свет даже в самой тёмной ночи.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
А вот и герои нашей истории	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Гарцев

Кризис среднего возраста

От автора

О КРИЗИСЕ, КОТОРЫЙ НЕ КРИЗИС

О возрасте, который не конец, а начало.

Мы привыкли бояться сорокалетия. Нам внушили, что это рубеж, за которым начинается закат. Женщины боятся увядания, мужчины — импотенции, и те и другие — потери смысла. Мы смотрим на молодых с завистью, на старых — со страхом, а на себя — с разочарованием. Мы думаем: «Всё, жизнь прошла, теперь только доживать».

Но это ложь. Самая опасная ложь, которую мы способны принять за правду.

Кризис среднего возраста — это не крах. Это пересборка. Это момент, когда мы перестаём быть теми, кем нас сделали обстоятельства, и начинаем становиться теми, кем мы есть на самом деле. В двадцать лет мы играем роли — хорошего студента, успешного сотрудника, идеального родителя. В сорок мы устаём играть. И это усталость — не слабость, а мудрость. Она говорит нам: «Стоп. Этого больше нет. Теперь будет что-то другое».

Чехов понимал это. Его герои — Липа из «В овраге», Раневская из «Вишнёвого сада» — все они проходят через момент, когда привычная жизнь рушится, и только тогда они начинают видеть что-то настоящее. Толстой писал об этом в «Смерти Ивана Ильича»: человек умирает не от болезни, а от осознания, что прожил не свою жизнь. И только перед самой смертью он находит свет.

Но мы, в отличие от Ивана Ильича, ещё живы. У нас есть время. И кризис — это не предсмертная агония, это родовые муки новой личности.

Мы привыкли думать, что любовь — это страсть, вспышка, огонь. Мы путаем её с влюблённостью, с гормональным взрывом, с романтической сказкой, которую нам продают в кино и книгах. Мы ждём, что любимый человек будет всё время удивлять, восхищать, доказывать. А когда он перестаёт это делать — мы объявляем: «Любовь прошла».

Но любовь не проходит. Она просто перестаёт быть спектаклем. Она становится тишиной. Привычкой. Умением быть рядом, даже когда нечего сказать. Умением молчать в одной комнате и чувствовать себя не одиноким.

Эрих Фромм в «Искусстве любить» писал, что любовь — это не чувство, а действие. Это воля, решение, труд. Любить — значит выбирать человека каждый день, даже когда он несовершенен, даже когда он надоел, даже когда кажется, что проще уйти. Уйти — легко. Остаться — трудно. Но именно в этом труде и есть настоящая любовь.

Мы в нашем мире разучились выбирать. Мы привыкли к мгновенному удовлетворению — быстрым свиданиям, быстрым разводам, быстрым решениям. Но настоящая глубина открывается только на расстоянии. Только когда ты прошёл через скандалы, через безденежье, через болезнь и увидел, что человек всё ещё рядом, — только тогда ты понимаешь, что это любовь. Не та, что в фильмах. А та, что в жизни.

Мы живём в мире, который требует от нас быть эффективными. Мы должны работать, зарабатывать, расти. Мы должны быть молодыми, энергичными, обучаемыми. Мы должны вписываться в формат. И если мы перестаём соответствовать — нас выбрасывают. Как старую деталь из механизма.

Это не рынок. Это насилие. Систематическое, социально одобряемое насилие, которое лишает человека идентичности. Потому что мы привыкли отождествлять себя с работой. «Кто

ты?» — «Менеджер». «Бухгалтер». «Директор». А если работы нет — кто ты? Никто. Пустое место.

Но человек не сводится к должности. Это иллюзия, что мы — это то, что написано в трудовой книжке. На самом деле мы гораздо больше. Мы можем не знать этого десятилетиями. Мы можем считать себя никчёмными, пока не попробуем что-то сделать руками, головой, сердцем. Пока не создадим что-то настоящее, что не умещается ни в какие отчёты.

Карл Маркс писал об отчуждении труда, о том, что человек перестаёт видеть результат своей работы. Мы производим то, что нам не принадлежит, ради того, кто нас не знает. Мы становимся винтиками. Но человек не может жить как винтик. Ему нужно видеть плоды своих рук. Ему нужно чувствовать, что он создаёт нечто реальное, осязаемое, своё.

Когда мы теряем работу, мы не теряем деньги. Мы теряем себя. Но это же — и шанс. Шанс перестать быть винтиком и стать мастером. В широком смысле. В том смысле, в котором каждый человек может быть мастером своей жизни.

Почему мы так тянемся к животным, когда нам плохо? Почему собака может утешить лучше психотерапевта? Почему мы рассказываем кошкам то, что не говорим людям?

Потому что животные не оценивают. Они не требуют. Они не критикуют. Они просто есть. И в этом «просто есть» — величайший дар, который мы можем получить. Животное не спрашивает, сколько тебе лет, какая у тебя должность и сколько ты зарабатываешь. Оно смотрит тебе в глаза. И видит душу.

Мы утратили эту способность — видеть душу. Мы смотрим на людей через призму статусов, достижений, возраста. Мы оцениваем, классифицируем, отвергаем. Но когда мы приходим в приют и видим старого пса с больной лапой, мы вдруг перестаём оценивать. Мы просто чувствуем. И это чувство — единственное, что может нас спасти.

В этом нет сентиментальности. В этом есть глубокая правда: мы можем исцелиться только через заботу о том, кто слабее нас. Через ответственность за другое существо. Это возвращает нас к самим себе, к нашей человеческой сути.

В нашем мире мужчина должен быть сильным. Он не имеет права плакать, жаловаться, сомневаться. Он должен решать проблемы, зарабатывать деньги, быть опорой. Если он слаб — он ничтожество. Так нас учили. Так учили наших мужчин.

Но это насилие — над ними и над нами. Потому что мужчина, который не может быть слабым, не может быть и настоящим. Он прячет себя за маской, и многие женщины, привыкли видеть только маску. Мы злимся, что он не проявляет чувств. Но мы же не даём ему этого права.

Мы говорим о феминизме, о равноправии, о том, что женщины имеют право на силу. Но забываем, что мужчины имеют право на слабость. На страх. На растерянность. На то, чтобы не знать, что делать.

Когда мы позволяем мужчине быть уязвимым, мы не лишаем его мужественности. Мы даём ему шанс быть настоящим. И только тогда он может стать опорой — не потому что должен, а потому что хочет.

Мы живём в культуре одноразовости. Одноразовая посуда, одноразовые отношения, одноразовая карьера. Если не получилось — выбрось и купи новое. Мы переносим эту логику на брак, на работу, на саму жизнь. И в этом — главная трагедия нашего времени.

Но есть вещи, которые нельзя выбросить. Есть люди, которых нельзя заменить. Есть время, которое не вернуть. И если мы потеряли всё — у нас есть шанс начать не сначала, а с того места, где мы остановились. С того же человека. С той же любви. Но уже с другим отношением.

Это не возвращение в прошлое. Это новое настоящее. Это когда ты смотришь на человека, которого знаешь двадцать лет, и вдруг видишь его впервые. Это когда ты прощаешь не

потому что забыл, а потому что решил не помнить. Это когда ты выбираешь остаться, хотя мог бы уйти.

Франц Кафка писал, что смысл жизни в том, что она кончается. Мы знаем, что всё конечно. И потому каждый день — подарок. Каждый момент — возможность. Второй шанс — это не удача. Это осознанный выбор. Взрослый выбор человека, который понял, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на гордыню, обиды и страх.

Что такое счастье? Мы ищем его в деньгах, в путешествиях, в новых отношениях. Мы думаем, что оно там — за горизонтом, в следующем повышении, в новой квартире. Мы бежим за ним и не замечаем, что оно всегда было рядом.

Счастье — это когда ты утром просыпаешься и понимаешь, что тебя ждут. Не работа, не деньги, не начальник. А человек. И собака. И мир за окном. Счастье — в простых вещах: в горячем чае, в тишине, в руке, которая сжимает твою ладонь. В том, что ты есть. И ты нужен.

Мы слишком сложно устроены, чтобы поверить в эту простоту. Нам кажется, что счастье должно быть грандиозным, эпическим, заслуженным. Но оно — в повседневности. В умении радоваться мелкому. В способности быть благодарным за то, что есть.

Эпикур говорил, что счастье — это отсутствие страданий и спокойствие души. Не гонка, не достижения, а состояние покоя. И мы, наконец, после всех бурь, можем найти этот покой. Внутри себя. Внутри дома. Внутри отношений, которые мы спасли, потому что не побоялись в них остаться.

Это эссе — не о героях романа. Это о нас с вами. О каждом, кто переживал крах и не знал, как встать. О каждом, кто боялся, что любовь кончилась. О каждом, кто потерял работу и нашёл себя.

Мы живём в трудное время. Время, когда старые опоры рушатся, а новые ещё не построены. Мы боимся будущего, мы тоскуем по прошлому, мы не знаем, как быть в настоящем. Но у нас есть одно оружие — наша человечность. Наша способность любить, прощать, выбирать и не сдаваться.

Пусть эта история, которую я написал, станет напоминанием: конец — это всегда начало. Кризис — не приговор. А счастье — не цель, а путь, который мы проходим не в одиночку, а рядом с теми, кого выбрали. И кто выбрал нас.

И в конце концов, остаётся только дом. И те, кто в нём живёт.

А вот и герои нашей истории

Алена Васильевна Прохорова Возраст: 43 года.

Внешность: Высокая, сухая, с острыми коленями. Стрижка «каре» с сединой у висков, которую она закрашивает хной, но нерегулярно. Очки в тонкой металлической оправе. Одежда: «унисекс» из турецких магазинов — черное, серое, бежевое. Она перестала следить за собой лет в 38, решив, что «уже все».

Характер: Внешне — железобетонная стерва. Циничная, ироничная, обжигает словом. Внутри — смертельно уставшая женщина, которая боится тишины. Ненавидит слабость, потому что привыкла подавлять свою. Руководитель отдела продаж, но на самом деле талантливый стратег.

Мотив: Доказать самой себе, что она не «приложение к мужу» и не «мама взрослых детей». Изначально мотив — избавиться от Бориса. После увольнения — выжить. В финале — создать что-то своё, где она будет нужна не за страх, а за совесть.

Речь: Отрывистая, командирская. Часто использует мужской род в глаголах («я понял», «я сделал»). Сарказм — её броня.

Борис Сергеевич Тарасов, муж Алены

Возраст: 45 лет.

Внешность: Коренастый, широкая кость, но появилось брюшко. Руки — большие, с толстыми пальцами, немного трясутся (последствия стресса). Одета в старые джинсы и рубашки поло. У него благородная седина на висках, которая его старит, а не красит.

Характер: Тихий, забитый мужчина. С детства привык, что мать командовала, затем жена. Он «подкаблучник» по привычке, а не по сути. На самом деле он глубокий, ранимый, обладает невероятной выдержкой и терпением. Увлекался в молодости моделированием, но жизнь заставила пойти в менеджмент по продажам стройматериалов.

Мотив: Вернуть себе самоуважение. Он чувствует себя ненужным ни на работе, ни дома. Увольнение для него — приговор. Но открытие в себе таланта столяра-краснодеревщика (благодаря отцовскому наследству) дает ему второй шанс.

Речь: Тихая, часто с паузами. Реже перебивает. Использует уменьшительно-ласкательные слова, если волнуется. Когда зол — говорит коротко и весомо, как отрубает.

Вера Павловна (Подруга Алены)

Возраст: 44 года.

Роль в истории: Антипод Алены. Наполненная, яркая блондинка, «жизнь удалась». Работает в риелторском агентстве. Всегда знает, где скидки и как обмануть систему.

Характер: Прагматичная. Она не лезет в душу, но всегда предлагает конкретную помощь (деньги в долг, контакты). Именно она тащит Алену в приют для животных, чтобы та не спилась с тоски.

Особенности речи: Громкая, «базарная», пересыпает речь жаргоном («короче», «облом», «договорняк»).

Николай Иванович Кравцов (Бывший начальник Бориса)

Возраст: 52 года.

Роль: Новый директор, пришедший «оптимизировать» компанию. Хищник в деловом костюме.

Характер: Чопорный, лицемерный, любит публично унижать подчинённых, чтобы показать власть. Он — олицетворение системы, которая выкидывает людей на свалку.

Мотив: Прибыль любой ценой. Он увольняет Бориса не потому, что тот плох, а потому что он «старый» и дорого стоит, а на его место можно взять двух стажеров.

Особенности речи: Канцелярит, английские термины вперемешку с русским матом на кухне. Говорит «команда», но думает «рабсила».

Егор Прохоров (Сын Алены и Бориса)

Возраст: 22 года.

Роль: Вторичный, но важный конфликт. Учится в соседнем городе, живет в общежитии. Требуется денег, не вникая в проблемы родителей.

Характер: Эгоистичный, инфантильный, "поколение Z". Он привык, что родители решают всё. Его появление в новогодние праздники — триггер для очередной ссоры, но он же становится свидетелем того, как родители вдруг начинают работать вместе, и теряет почву под ногами.

Особенности речи: Много сленга, часто говорит «жесть», «кринж», «капец».

Зоя Михайловна (Соседка снизу)

Классическая «бабка у подъезда». 78 лет. Всегда всем недовольна. Именно она дает Алене ключевую фразу: «Борис-то ваш золотые руки имеет, токмо вы его за горло взяли». Она выступает голосом народной мудрости.

Артём (Волонтер в приюте)

Молодой парень, 26 лет, экс-айтишник, бросил офис. Живет в приюте на птичьих правах. Мечтательный, не от мира сего. Он влюбляется в Алену (безответно), показывая ей, что она все еще может нравиться как женщина, но она отказывается от «легкого пути» и выбирает сложного Бориса.

Светлана (Бухгалтер, коллега Алены)

Женщина предпенсионного возраста. Сюсюкается, боится начальства. Нужна для того, чтобы показать, как Алена раньше относилась к другим — свысока. В кризис Алена помогает Светлане, доказывая, что морально выросла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утро вечера мудренее

Она проснулась за три минуты до будильника, как всегда. Организм, выдрессированный двадцатью годами офисной жизни, не нуждался в постороннем сигнале тревоги. Алёна открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, на котором с прошлой весны красовалось выцветшее жёлтое пятно — отекла соседская труба, и управляющая компания обещала устранить причину, но так и не устранила. Она привыкла. Ко всему можно привыкнуть.

Слева, за её спиной, сопел Борис. Тихо, ровно, без храпа, как и положено мужчине, который привык занимать как можно меньше места в этом мире. Алёна не оборачивалась. Она знала, что увидит: седой затылок, заломленная подушка, голое плечо, торчащее из-под одеяла. Он спал в майке и трусах, но майка задиралась во сне, и Алёна перед сном, уже в темноте, накрывала его, потому что он мог простудиться, а лечить его — это ещё та морока.

Она села на кровати. Босиком ступила на холодный ламинат, который они положили пять лет назад, когда Борис наконец-то решился на ремонт в спальне. Тогда Алёна настояла на ламинате. Борис хотел ковролин — мягко, тепло, уютно. Алёна сказала: «Будет собирать пыль, ты что, собираешься пылесосить?». Борис промолчал. Сейчас она шлёпала по холодному полу и думала: «Он был прав, проклятый тюфяк. Ковролин был бы теплее. Но я не признаю».

Ванная комната пахла сыростью и старым мылом. Алёна подошла к зеркалу и остановилась. Она не отводила взгляда, потому что научилась смотреть на себя без иллюзий уже лет пять назад. Сорок три года. Кожа у глаз собралась в мелкую сеточку, которую тональный крем только подчёркивал, если накладывать его не слишком умело. Виски тронула седина, и Алёна каждые две недели красила корни хной — не потому, что хотела казаться моложе, а потому что седина делала её похожей на собственную мать, а мать она не любила.

Она провела пальцами по щеке. Кожа была сухой, как пергамент. Нужно купить крем. Хотя бы дешёвый, из «Магнита». Но когда у неё было время? Она работала, готовила, стирала, проверяла у Егора домашние задания, пока он не уехал, а потом, когда он уехал, она просто продолжала делать всё то же самое, потому что остановиться было страшнее.

Алёна умылась ледяной водой, ткнулась лицом в полотенце и на секунду зажмурилась. В голове уже крутился сегодняшний план: три встречи с клиентами, проверка отчётов, разговор с отделом закупок, потом домой, приготовить ужин, и чтобы Борис, как обычно, не забыл купить хлеб, потому что у него всегда было «нет времени», хотя он приходил с работы ровно в шесть, садился в кресло, включал телевизор и тупел, как огромная безмозглая рыба.

— Алёна! — крикнула она из ванной, хотя голос звучал глухо. — Ты взяла хлеб?

Тишина. Потом шорох одеяла, крихтение.

— Я тебе вчера говорила, вечером, когда ты пришёл, я сказала — возьми хлеб.

Спальня молчала. Алёна вышла из ванной, обёрнутая в халат, и увидела Бориса — он сидел на кровати, свесив ноги, и тёр кулаками глаза. Грузный, рыхлый, в этой дурацкой драной майке. Он посмотрел на неё спросонья, и в его взгляде не было ни желания, ни любви, ни раздражения. Там была пустота. Такая же, как у неё в груди.

— Какой хлеб? — хрипло спросил он.

— Который я просила вчера, — Алёна вошла в спальню и демонстративно начала разбирать шкаф, гремела плечиками. — Я просила: «Боря, у нас нет хлеба. Купи по пути». Ты сказал «Да». А не купил.

Борис поморгал, пытаясь включить мозг. Потом тяжело вздохнул, виновато, покорно, как побитая собака.

— Забыл. Прости.

— Забыл, — повторила Алёна, резко выдёргивая брючный костюм — тот самый, тёмно-синий, в котором она чувствовала себя бизнес-леди, хотя на самом деле была всего лишь руководителем отдела продаж в компании «Регион-Строй», — у тебя одна работа, Боря. Заехать в «Пятёрочку» и купить чёртову буханку. Ты даже это не можешь запомнить?

— Я не специально, — Борис встал, тяжёлый, неуклюжий, и пошёл в ванную. На пороге остановился. — Я сегодня куплю.

— Сегодня уже поздно, — бросила Алёна ему в спину. — К чаю нечего будет.

Она слышала, как зашумела вода. Борис включил душ — слишком горячую, любил обжигаться, дурак. Алёна стояла перед зеркалом в прихожей, наносила тональный крем, потом подводила глаза — не слишком ярко, но чтобы лицо не выглядело как пустая тарелка. Смотрела на себя и думала: «Зачем я ему? И зачем он мне?».

Они жили в этой квартире восемнадцать лет. У них был сын Егор, который сейчас учился в соседнем городе и звонил только когда кончались деньги. У них была ипотека, которую они почти выплатили, машина «Киа» десятилетней давности и две половинки одного дивана, которые они купили на годовщину, а теперь диван скрипел и просился на помойку. У них было всё, что нужно для счастья, кроме, собственно, счастья.

Алёна застегнула пиджак и прошла на кухню. Включила чайник, достала из холодильника вчерашнюю запеканку. Нарезала на порции, пока Борис не вышел. Он вышел через двадцать минут, чистый, с влажными седыми прядями на висках, одетый в свою неизменную рубашку-поло и джинсы.

— Садись, — сказала Алёна, не глядя.

Он сел. Они начали есть молча. Лязгали вилки о тарелки. Где-то на лестничной клетке лаяла собака. На кухонном столе стояла солонка в виде гриба — подарок свекрови, которая умерла три года назад, и Алёна так и не выкинула этот гриб, хотя ненавидела его. Почему-то не выкидывала.

— Опять на собеседование? — спросила она, жуя.

Борис поднял глаза.

— Нет. Сегодня я в офис. — Он помедлил. — У нас слияние. Новая фирма присоединяется. Придёт новый директор.

— А, — Алёна недовольно скривилась. — Опять перетряхивать будут.

— Вроде нет, — Борис пожал плечами, но Алёна заметила, как дрогнула его рука. Он нервничал. Он всегда нервничал перед начальством, как первоклассник перед доской, хотя работал в этой компании двенадцать лет и знал складские остатки лучше любого компьютера.

— Не дёргайся, — сказала Алёна сухо. — Тебя не уволят. Ты старожил. У тебя опыт. Ты им нужен.

— Я знаю, — Борис отодвинул тарелку. — Спасибо.

Она встала, убрала посуду в раковину, включила воду, чтобы он не видел её лица. Она злилась на него. Злилась, потому что он был мягким, неамбициозным, не мог за себя постоять, а она всю жизнь была за них двоих грозой и авангардом. Она злилась, что пришла в эту семью, будто на работу — заполнять собой всё, что не заполнено. И сейчас она смотрела в маленькое запylённое окно над раковиной и думала: «Может, развестись? Егор взрослый. Живём отдельно. Я не буду ни за кем убирать, никого кормить, мне не придётся его жалеть и стыдиться перед подругами, что муж у меня — ни рыба ни мясо».

Но она не говорила этого. Она брала сумочку, ключи, поправляла волосы.

— Ты хлеб купишь, — сказала она уже на пороге. — Сегодня. Я хочу к ужину бутерброды. Со шпротами.

— Куплю, — пообещал Борис, завязывая шнурки.

Она вышла из квартиры. Пахло сыростью и старым ковром. Лифт долго не ехал, и Алёна разглядывала надписи на стенах — «Коля дурак», «Света + Дима», какой-то телефон, по кото-

рому, наверное, уже никто не звонит. Она шагнула в кабину, и дверь закрылась с металлическим лязгом.

Алёна ненавидела офис по утрам. Эта мнимая бодрость коллег, их «доброе утро», их общие планы. Она заходила в переговорную, включала ноутбук, просматривала почту. Ровно в десять должен был пройти планёрка, и она шла в зал, серая, сосредоточенная, как дирижёр перед оркестром.

Но сегодня всё пошло не так.

Она разговаривала с поставщиком, держала трубку плечом и одновременно строчила письмо, когда в переговорную заглянула Светлана — бухгалтер, женщина под пятьдесят, вечно затравленная и сюсюкающая.

— Алёна Васильевна, — Светлана мялась в дверях. — Можно вас на минуту?

— Не сейчас, — Алёна махнула рукой, не прерывая разговора. — Потом.

— Очень важно, — прошептала Светлана, и в голосе её дрожали слёзы.

Алёна закончила разговор, щёлкнула «отправить» и повернулась.

— Что?

— Вас вызывает генеральный, — Светлана переминалась с ноги на ногу. — Срочно. И... и меня тоже.

Алёна нахмурилась, но ничего не сказала. Она встала, поправила пиджак, взяла блокнот и ручку. Это был просто вызов. Обычный. Наверное, опять планы поменялись.

Кабинет генерального находился в конце коридора, за стеклянной перегородкой. Алёна постучала и вошла. Там сидел не старый директор Лопатин, у которого она работала десять лет, а молодой, гладкий человек в дорогом сером костюме, с галстуком в синюю полоску. Он смотрел на экран своего «макбука», поднял глаза, когда Алёна вошла, и улыбнулся. Улыбка была холодная, как у хирурга перед операцией.

— Алёна Васильевна? — спросил он, сверившись с листом бумаги.

— Да, — она села напротив.

— Меня зовут Кравцов. Николай Иванович. Новый директор, — он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди. — У нас реорганизация.

Алёна молчала. Она знала, что такое реорганизация.

— Компания «Регион-Строй» вошла в состав нашего холдинга. Нам нужны гибкие кадры, — Кравцов смотрел на неё холодно. — Вы, Алёна Васильевна, отличный специалист. Но вы дорогой специалист. Мы пересмотрели штатное расписание, и, к сожалению, ваша должность сокращается. Мы предлагаем вам выходное пособие по соглашению сторон.

Алёна слышала его слова, как сквозь толщу воды. Где-то внутри неё всё сжалось в тугой узел, но на лице не дрогнул ни один мускул. Она привыкла держать удар. Она всегда держала удар.

— Когда? — спросила она сухо.

— Сегодня, — Кравцов улыбнулся. — Вы можете закончить день и сдать дела Светлане Петровне. С ней мы тоже, как вы понимаете, расстаёмся.

Алёна посмотрела на Светлану. Та сидела с красным лицом, сжимала в руках платок, готовая разрыдаться.

— У меня есть вопросы, — сказала Алёна, разворачивая блокнот. — По выходному пособию.

— Все вопросы к юристу, — Кравцов кивнул. — Мы готовы предоставить вам стандартный пакет.

Алёна вышла из кабинета через десять минут. В руках у неё была папка с документами. Она прошла по коридору, не глядя по сторонам, вошла в свой кабинет, села в кресло и вдруг почувствовала, что у неё трясутся руки.

Всё.

Закончилось.

Двадцать лет карьеры. Пять лет на этом месте. Тысячи договоров. Она вложила сюда душу, но Кравцову было плевать на её душу. Ему нужна была молодость, дешевизна, рабская покорность.

Алёна сжала зубы. Она не будет плакать. Никогда.

Она посмотрела на телефон. Надо позвонить Борису. Сказать ему. Он поймёт. Он должен понять.

Она взяла трубку, набрала номер. Длинные гудки. Потом тихий голос Бориса, какой-то чужой, деревянный.

— Алёна? — сказал он.

— Боря, — она глубоко вздохнула. — Меня сократили. Только что. Я без работы.

В трубке повисла пауза. Алёна слышала его дыхание — тяжёлое, неровное.

— Боря? — переспросила она.

— Меня тоже, — сказал Борис. И голос его дрогнул, как струна. — Алёна, меня тоже уволили. Только что.

Она зажмурилась. Свет в кабинете казался слишком ярким.

— Как? — выдохнула она.

— Новый директор, — голос Бориса сел. — Сказал, что я не вписываюсь в формат. Что мы... старые, Алёна. Что нам уже ничего не светит.

Алёна молчала. В трубке слышалось только его дыхание и где-то далеко — гул улицы за окном.

— Боря, — сказала она наконец. — Иди домой. Мы поговорим.

Она сбросила вызов. Положила телефон на стол. Посмотрела в окно — там серое осеннее небо, моросящий дождь, унылая панорама панельных домов. Она провела рукой по лицу, смазывая тональный крем, и поняла, что слёзы всё-таки текут. Быстро, беззвучно, постыдно.

Впервые за много лет Алёна не знала, что делать дальше.

Вечером они сидели друг напротив друга на той самой кухне. Перед ними остывали две чашки чая. Борис смотрел в стол, Алёна — в окно. Они не разговаривали сорок минут.

Потом Алёна сказала:

— Что мы будем делать?

Борис поднял на неё глаза. В них не было ответа. Была пустота, усталость и огромная, бездонная растерянность.

— Я не знаю, — сказал он.

Алёна горько усмехнулась. Она хотела закричать: «Ты никогда ничего не знаешь! Ты всегда ждёшь, что я решу!». Но вместо этого она встала, подошла к плите, поставила чайник и сказала:

— Тогда будем думать.

В этот момент она впервые за последние годы взглянула на него не как на надоедливую помеху, а как на человека, который оказался с ней в одной лодке. И лодка эта дала течь.

На кухонном столе осталась недопитая чашка. За окном шёл дождь, а в квартире пахло остывшим чаем и страхом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Конец эпохи

Борис Сергеевич Тарасов вышел из здания «СтройИнвест-Холдинга» ровно в четырнадцать тридцать. В руках он держал картонную коробку, в которой уместилось всё его двенадцатилетнее трудовое наследие: кружка с надписью «Лучший менеджер 2018», несколько блокнотов с записями, календарь на следующий год — яркий, глянцевого, с котиками, который ему подарила секретарша на Новый год, — и потрёпанный ежедневник, куда он записывал встречи и планы. Ещё там лежала фотография Егора, когда тот был маленьким: стоит на фоне моря, улыбается, щурится от солнца.

Он мог бы взять больше — в ящике стола лежали запасные ручки, скрепки, старые визитки, — но Борис не стал. Всё это вдруг показалось мусором, который не стоило тащить с собой в новую, пока ещё несуществующую жизнь.

На улице моросил мелкий, противный дождь. Осень в этом городе всегда начиналась внезапно: вчера ещё было плюс пятнадцать, солнце, сегодня — серое небо, ветер и влажность, которая пробирала до костей. Борис не взял зонт. Он стоял у входа, смотрел на серую громаду бизнес-центра, где провёл последние годы, и чувствовал, как внутри разливается тягучая, липкая пустота.

Он думал о том, что должен был чувствовать что-то. Злость, обиду, желание отомстить. Но вместо этого он испытывал только странное облегчение, смешанное со страхом. Словно его, старую, изношенную деталь, наконец-то изъяли из механизма, и он мог лежать на полке и не вращаться больше, не скрежетать, не искриться.

Двенадцать лет. Он пришёл сюда в тридцать три, полный сил, амбиций, с дипломом экономиста и верой в то, что честный труд когда-нибудь будет оценён. Он прошёл путь от рядового менеджера до начальника отдела закупок. Он знал всех поставщиков в лицо, помнил наизусть прайс-листы, мог с закрытыми глазами сказать, где дешевле и надёжнее. А теперь он никому не был нужен.

— Борис Сергеевич! — окликнули его сзади.

Он обернулся. К нему бежала Леночка, двадцатипятилетняя девочка из отдела продаж, которую он брал стажёром, учил, вводил в курс дела. Она запыхалась, глаза блестели.

— Он вас... — она махнула рукой в сторону здания, и Борис понял, что она имеет в виду Кравцова. — Так нельзя! Это свинство! Вы столько лет... Я слышала, что он меняет старую гвардию на студентов. Я не хочу с этими студентами работать!

Борис криво усмехнулся. Леночка была хорошей девочкой, но пока ещё слишком наивной.

— Не переживай, — сказал он. — Ты справишься.

— Я напишу заявление! — выдохнула она, сверкая глазами. — Уволюсь вместе с вами!

Борис покачал головой.

— Глупости, Лен. У тебя ипотека. У тебя мама больная. Сиди, работай, набирайся опыта. А потом уйдёшь сама, когда будешь готова. На своих условиях.

Леночка шмыгнула носом, и Борис увидел, что она сейчас заплачет. Ему стало неловко. Он не любил чужих слёз. Не любил и своих, если честно.

— Вы всегда были самым добрым начальником, — сказала она тихо.

— Это не доброта, — вздохнул Борис. — Это усталость. Иди, Лен. Удачи.

Он повернулся и пошёл к остановке. Коробка оттягивала руки, мелкий дождь просачивался за воротник куртки. Он не оглядывался.

В автобусе было душно. Борис сел у окна, поставил коробку на колени и уставился в мокрое стекло. За окном проплывал привычный пейзаж: панельные дома, рекламные щиты,

женщины с колясками, подростки в наушниках. Всё такое же, как вчера, позавчера, десять лет назад. Только он теперь был не тем человеком, который ехал на работу, а тем, кто ехал с работы — навсегда.

Он вспомнил, как разговаривал с Кравцовым. Этот разговор длился семь минут. Кравцов сидел за столом, который раньше принадлежал старому директору, поправлял галстук и смотрел на Бориса, как на досадную помеху.

«Борис Сергеевич, вы прекрасный специалист, — сказал он. Голос у Кравцова был поставленный, уверенный, как у ведущего новостей. — Но мы пересматриваем кадровую политику. Нам нужны молодые, энергичные, обучаемые. Вы — консерватор. Вы работаете по старым схемам. Рынок меняется. Вы же понимаете».

Борис понимал. Он понимал, что рынок меняется, но люди, которые управляют этим рынком, остаются теми же — хищниками, которые не видят за цифрами и отчётами ничего, кроме прибыли.

«Я могу переучиться, — сказал Борис. Это было унижительно, но он сказал. — Я могу пройти курсы, освоить новые программы».

Кравцов улыбнулся. Эта улыбка была холодной и снисходительной, как у взрослого, который объясняет ребёнку, что Дед Мороз не существует.

«Борис Сергеевич, вам сорок пять. Вам уже поздно переучиваться. Это не шутка, это рынок. Я предлагаю вам выходное пособие и благодарность за многолетний труд. Без обид. Это бизнес».

Без обид. Борис сидел теперь в душном автобусе, смотрел на мокрое стекло и думал, что Кравцов, наверное, прав. Бизнес не про обиды. Бизнес про деньги. А он, Борис Тарасов, в этом бизнесе больше не нужен.

Автобус подъехал к его остановке. Он вышел, вздохнул полной грудью сырой воздух и пошёл к дому. Коробка становилась всё тяжелее, но он не перекладывал её, просто переставлял с одной руки на другую, и так, рывками, добрался до подъезда.

У подъезда сидела Зоя Михайловна. Она всегда сидела на лавочке, даже в дождь, даже в ветер, — потому что у неё не было телевизора, и единственным развлечением было наблюдать за соседями.

— Борис Сергеич, — окликнула она, щуря подслеповатые глаза. — Чего рано сегодня? Второй час только.

Борис остановился. Он хотел соврать, сказать, что у них пересменка или что он в поликлинику ходил, но язык не повернулся. Он тяжело вздохнул и сказал прямо:

— Уволили меня, Зоя Михайловна. Совсем.

Старуха помолчала, потом сочувственно покачала головой.

— Эх, Борис Сергеич, — сказала она. — Оно и видно. Было б у тебя дело мужское, не сидел бы ты в этих офисах. А так, как в огороде, — всё на ветер. Ты ж руками-то умеешь? А? Как батька твой?

Борис удивился. Он не думал об отце, наверное, сто лет. Отец был столяром, работал в мастерской, потом в гараже, делал табуретки, шкафы, полочки. Всё руками, всё из дерева. Борис помнил запах стружки, помнил, как в детстве держал рубанок, и отец учил его не спешить, идти по волокну.

— Не знаю, — ответил он и поплёлся в подъезд.

Дома было тихо и пусто. Алёна ещё не пришла. Борис поставил коробку на пол в прихожей, снял мокрую куртку, повесил сушиться в ванную. Потом сел на кухне, поставил чайник и уставился в одну точку.

Ему стало страшно. Не сейчас, не в эту секунду, а где-то внутри, глубоко, начало разрастаться чёрное, липкое ощущение, похожее на то, что он испытывал в детстве, когда терялся в магазине и не мог найти маму. Он остался один. Без работы, без денег, без смысла. Всё, что

он делал последние годы, вдруг оказалось бесполезным. Он как будто строил дом из песка, и пришла волна и смыла всё.

Он подошёл к холодильнику, открыл дверцу и уставился на полки. Пусто. Только кефир, который Алёна купила позавчера, и вчерашняя запеканка. Он достал кефир, налил в стакан, выпил. Холодно и кисло.

Телефон на столе завибрировал. Борис посмотрел на экран — Алёна.

Он взял трубку. Тяжело выдохнул, собираясь с духом.

— Алёна? — сказал он.

— Боря, — голос её звучал глухо. — Меня сократили. Только что. Я без работы.

Борис закрыл глаза. Потом открыл. Он не знал, что сказать. Рядом с ней он всегда терял слова. Она была сильнее, быстрее, ярче. Всегда была.

— Боря? — переспросила она.

— Меня тоже, — сказал он. — Меня тоже уволили. Только что.

В трубке повисла тишина. Борис слышал её дыхание, слышал, как она подавляет слёзы, не даёт им вырваться. Он знал эту её привычку — держать всё в себе до последнего. Он сам был такой, но у него получалось хуже.

— Как? — спросила она шёпотом.

Он рассказал про Кравцова, про бизнес, про рынок. Говорил ровно, сухо, как в отчёте. Он не плакал. Он не мог плакать при ней. Он вообще не помнил, когда плакал последний раз.

— Иди домой, — сказала Алёна. — Мы поговорим.

Она сбросила вызов.

Борис положил телефон на стол и вышел на балкон. Зажёг сигарету — хотя бросил уже два года, но сейчас закурил, и дым горько обжёг горло. Он смотрел на серый город и думал о том, что у них с Алёной нет работы, нет денег, нет плана, нет никакого будущего. Только эта квартира, ипотека, которую надо платить, и сын, который вот-вот попросит деньги на очередную «хату».

Он докурил сигарету, затушил о перила и зашёл в квартиру. Сел на диван в зале, включил телевизор — просто чтобы был шум. Но он не смотрел на экран. Он смотрел на дверь, ждал, когда придёт Алёна. Ему было страшно смотреть ей в глаза, потому что он знал, что она разочарована. Всегда разочарована. Он привык быть её разочарованием, но сейчас это казалось особенно невыносимым.

Алёна пришла через час. Хлопнула дверь, скинула туфли, вошла на кухню. Борис уже сидел за столом, налил ей чай — горячий, с мёдом, как она любила. Но она не стала пить. Она села напротив и уставилась на него. Глаза красные, но сухие. Лицо бледное, без косметики, наверное, смыла в офисе.

— Ну? — спросила она.

— Что «ну»? — не понял он.

— Что будем делать? — голос Алёны звенел. — Я тебя спрашиваю. Потому что я не знаю. У меня нет работы. У тебя нет работы. У нас на счету, Боря, десять тысяч. До зарплаты, которой не будет. Ты понимаешь, что мы банкроты?

Борис кивнул. Он понимал. Он всё понимал, но он не мог придумать решение. Он вообще никогда не был генератором идей. Он был исполнителем. Хорошим, но исполнителем.

— Я попробую найти работу, — сказал он тихо. — Завтра начну рассылать резюме.

Алёна засмеялась. Горько, истерично, почти страшно.

— Резюме? Боря, нам нужны деньги сейчас, через неделю! Кто нас возьмёт? Кому нужны пенсионеры с опытом? Мы никому не нужны!

Она встала, подошла к окну, встала спиной к нему. Плечи её дрожали.

— Я столько лет работала, — сказала она тихо. — Я вкладывала душу. Я думала, я себя построила. А оказалось, что я никто. Просто старая тётка, которую можно вышвырнуть за пять минут.

Борис поднялся, подошёл к ней и положил руку на плечо. Она дёрнулась, но не убрала.

— Алёна, — сказал он. — Мы справимся. Вместе.

Она обернулась и посмотрела на него с такой смесью злости и боли, что ему стало не по себе.

— Вместе? — переспросила она. — Боря, мы уже двадцать лет вместе, и я даже не знаю, зачем ты мне. Ты просто есть. Как мебель. Как этот диван. Ты приносишь деньги, но это всё. А теперь и этого нет.

Она убрала его руку и пошла в спальню. Дверь закрылась.

Борис остался на кухне один. Он смотрел на остывший чай, на тарелку с запеканкой, на солонку в виде гриба, которую ненавидела Алёна. Он думал о том, что она права. Он действительно был мебелью. Мягким, потёртым диваном, на котором она отдыхала от жизни. А теперь диван сломали, и она осталась без опоры.

Он сел на табуретку и уткнулся головой в сложенные руки. Ему хотелось исчезнуть. Провалиться сквозь пол, стать невидимым, раствориться в этом сером осеннем воздухе. Но он оставался здесь, в этой квартире, в этой жизни, и не знал, как выбраться.

Ночью они не разговаривали. Лежали в одной постели, но на разных краях, спиной друг к другу. Борис слышал, как Алёна дышит — неровно, прерывисто, — и понимал, что она не спит. Он тоже не спал. Смотрел в стену, на которой висела их свадебная фотография — молодые, счастливые, не знающие, что через двадцать лет будут лежать рядом, как чужие люди, и молчать о самом главном.

Где-то в половине третьего Алёна заговорила. Тихо, в темноту.

— Боря, ты спишь?

— Нет, — ответил он.

— Что мы будем делать? — спросила она, и в голосе не было злости, только усталость и отчаяние. — Я боюсь.

Борис повернулся на спину. В темноте он не видел её лица, но знал, что она смотрит в потолок.

— Завтра всё решится, — сказал он. — Я найду работу. Я обещаю.

— Как? — спросила она почти шёпотом.

— Не знаю, — честно ответил он. — Но я найду. Ты не бойся. Мы не пропадём.

Алёна замолчала. Потом протянула руку и коснулась его плеча — быстро, как будто случайно. И убрала.

— Спи, — сказала она.

Но Борис не спал. Он лежал и смотрел в темноту, и впервые за много лет в его душе начало зарождаться что-то, чему он не мог дать названия. Не гнев, не обида, не страх. Что-то другое. Что-то похожее на решимость.

Он не знал, что будет делать завтра, но знал одно: он не может сдаться. Потому что тогда сдадутся они оба.

За окном начинался новый день, серый и холодный, как их жизнь. Но что-то в этом дне изменилось.

Борис заснул только под утро, и ему снился старый гараж и запах стружки. Он проснулся с этим запахом в носу и понял, что никогда в жизни не был так близок к тому, чтобы начать всё сначала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ведьмы тоже плачут

Ноябрь в этом городе наступал не как время года, а как приговор. В октябре ещё можно было обманываться — золотые листья, последнее тепло, бабье лето, когда кажется, что жизнь продолжается, что всё наладится. Но ноябрь срывал эти маски. Небо становилось низким, серым, тяжёлым, словно бетонная плита, которую кто-то опустил на город. Дожди шли бесконечно — мелкие, нудные, пронизывающие до костей. Ветер срывал с деревьев последние листья, швырял их в лица прохожим, забивал в подворотни. Солнце больше не появлялось — оно просто ушло, бросило город на произвол судьбы, и теперь люди жили в сумерках, которые начинались в десять утра и заканчивались только к вечеру, чтобы смениться ещё более плотной и беспросветной тьмой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.